

“демократия”». С точки зрения Д. Н. Пескова, “условием для появления национального государства все-таки является именно равенство, когда у всех наций есть равные возможности для политической, культурной, экономической карьеры. СССР в этом смысле представлял собой весьма странное образование, ведь Россия была неким пустым центром, который везде и нигде. Россия растворялась во всех остальных республиках. В современной России этого уже нет. Поэтому и нельзя точно ответить на вопрос, были ли СССР империей некоего классического типа, и создаем ли мы сейчас в своей стране национальное государство. Все понятия здесь оказываются смещены”.

Дискуссии, разворачивавшиеся на каждом заседании международного научного семинара “Культура “Пост”: истоки, основные черты и границы явления”, как явствует из приведенных фрагментов, носили острый характер и поставили многие вопросы, которые требуют дальнейшего изучения.

Л. И. Гришаева, Л. В. Цурикова

КУЛЬТУРНЫЕ ТАБУ И ИХ ВЛИЯНИЕ НА РЕЗУЛЬТАТ КОММУНИКАЦИИ

23—25 ноября 2004 г. Воронежский МИОН организовал совместно с факультетом романо-германской филологии Воронежского государственного университета международную конференцию на тему “Культурные табу и их влияние на результат коммуникации”. Данная конференция была одной из составных частей проекта “Взаимопонимание в межкультурном диалоге: Условия успешности и факторы риска”. 25 ноября после пленарного заседания состоялся круглый стол на тему “Культурные табу и социализация личности”.

В первый день конференции ее участники получили для круглого стола анкету с рядом вопросов:

1. Согласны ли Вы с тем, что табуирование и запреты в настоящее время отживают свой век как социально значимый феномен?
2. Когда появились табу? Каковы истоки и источники табу?
3. Какие функции имеют культурные табу?
4. Как бы Вы охарактеризовали степень жесткости табу?
5. Есть ли связь между типом социума и характером культурно-табуирования?
6. Степень обязательности следования культурным табу?

7. Адекватны ли социальные санкции на нарушение культурных табу?

8. Табу — это совет, запрет или приказ?

9. Ограничивает ли табуирование свободу личности?

10. Каково содержание культурных табу в информационный век?

Составляя анкету, организаторы конференции предполагали, что соответствующие вопросы, во-первых, помогут объединить интеллектуальные усилия всех участников и нацелить на обсуждение проблематики на пленарных и секционных заседаниях и, во-вторых, будут способствовать выработке единой теоретической платформы для предполагаемой коллективной монографии.

Заседание круглого стола продемонстрировало активную заинтересованность всех присутствовавших в обсуждении заявленной для дискуссии проблематики, что отражает ее острую актуальность в условиях современного поликультурного, поликонфессионального, полиэтнического мира. В то же время, в ходе обсуждения у его участников обнаружились серьезные расхождения в трактовке изучаемого феномена, что, очевидно, не позволяет сегодня говорить о выработке единого теоретического фундамента, на котором можно было бы строить общую концепцию и в опоре на который можно было бы описывать функционирование табу в различных культурах. Тем не менее представленный калейдоскоп мнений является, несомненно, интересным и в полной мере отражает широкую палитру подходов к изучению феномена табу, дискуссионность обсуждавшейся на конференции проблематики и высокую степень вовлеченности ее участников в разработку общей концепции.

По этой причине организаторы конференции решили опубликовать материалы “круглого стола”: краткие рефераты выступлений на заключительной дискуссии в авторской редакции. Точка зрения отдельных участников “круглого стола” более подробно излагается в сборнике материалов конференции, который в настоящее время находится в печати.

И. Г. Гаспаров, преподаватель философии ВГМА им. Н. Н. Бурденко, аспирант кафедры систематической философии ВГУ:

В пленарном докладе профессора С. А. Сухих, как и в ходе обсуждения круглого стола, неоднократно звучала мысль о том, что в табу следует видеть проявление бессознательного. Действительно, некоторые мыслители психоаналитического направления, например, З. Фрейд, пытались показать связь между предполагаемой ими *бессознательной* частью сознания и запретами на инцест и т. п., которые являются наиболее распространенными формами

табу, встречающимися практически у всех народов. Тем не менее хочется обратить внимание на следующее обстоятельство: дело в том, что само понятие бессознательного не настолько ясно и однозначно, чтобы через него можно было определить понятие “табу”. Кажется, что о бессознательном известно гораздо меньше, чем о самих табу. Поэтому объяснять табу с помощью “бессознательного” — значит объяснять *obscurum per obscuris* (непонятное непонятым). Строго говоря, несмотря на огромную популярность психоанализа (!), не совсем ясно, насколько вообще необходимо допускать существование бессознательного. Если же признать его существующим, то возникает множество вопросов: какова природа этого бессознательного? Следует ли рассматривать индивидуальное бессознательное в духе Фрейда, или же коллективное бессознательное Юнга, или нечто иное? Каков механизм действия бессознательного при формировании табу? Как соотносится бессознательное с естественно-научными концепциями сознания, а также с феноменальным сознанием? Основное затруднение, с которым сталкиваются теории бессознательного, состоит в том, что сложно определить его онтологический статус. Ни фрейдовская, ни юнговская концепция бессознательного не дает определенного ответа на вопрос, как бессознательное и его содержание укоренено в объективном мире. Если первоначально Фрейд предполагал, что “содержание” бессознательно формируется под влиянием определенных событий раннего детства, то впоследствии он столкнулся с проблемой невозможности отличить “действительные” события, произошедшие в прошлом наблюдаемых им пациентов, от их фантазий. Постепенно он пришел к выводу о том, что попытка отличить одно от другого не имеет смысла, и начал постулировать существование особой “психической реальности”. Не совсем ясно, каково отношение фрейдовской особой “психической реальности” к строго кодифицированным спискам табу, которые мы встречаем в эмпирических исследованиях этнографов.

На мой взгляд, более перспективным путем для понимания феномена является не противопоставление табу как проявления бессознательного запрету как результату сознательной (= рациональной?) деятельности человека, а попытка ограничения запретов-табу от других видов запретов. Мне кажется, что табу есть нечто иное, как некоторый класс запретов, главным признаком которого является запрет на вступление в контакт с определенными вещами, борьба за обладание которыми несет в себе потенциальную угрозу распада того человеческого общества, где она возникает. Обычно табу определяют как запрет, во-первых, немотиви-

роанный, т. е. необоснованный с рациональной точки зрения, во-вторых, категорический, т. е. безусловный. Я думаю, что первую характеристику следует пересмотреть в том смысле, что немотивированность, или прямая бессмысленность, некоторых табу является, вероятно, следствием нашего незнания условий, в которых они возникли. Это — причина, по которой они представляются внешнему наблюдателю, ориентирующемуся на свой — часто далекий от совершенства — стандарт рациональности, лишенными смысла. Например, действительно трудно понять, что скрывается за библейским запретом варить “козленка в молоке матери его” (Исх. 23, 19). Однако в общем можно сказать, что объектами запретов-табу обычно становились и становятся вещи, которые, с одной стороны, являются общедоступными, а с другой — ценными для всех или для большинства членов общества, например, женщины из ближайшего окружения или некоторые виды пищи. В каком-то смысле сам объект, который объявлялся табу, вполне мог быть достаточно случайным, так как практически любая вещь может послужить поводом для конфликта. Поэтому то, что табуируется в каждом конкретном случае, зависит от обстоятельств возникновения табу, которое, вероятно, можно рассматривать как запрет, возникающий после некоторого реально произошедшего конфликта в качестве средства предотвращения аналогичных конфликтов в будущем. Вещь, послужившая предметом спора, считается “виновной” в возникновении конфликта, и к ней запрещают прикасаться и т. п. “Случайностью” объекта табу можно объяснить его кажущуюся “немотивированность” или бессмысленность с “рациональной” точки зрения. Категоричность табу — это, возможно, следствие страха перед той предполагаемой опасностью, которая грозит человеческому обществу в случае его нарушения. Предполагается, что нарушение табу угрожает разрушением общества, которое может снова погрузиться в состояние конфликта, который этим обществом однажды уже переживался. Надо сказать, что табу существовали на протяжении всей истории человечества. Они продолжают возникать и в наше время. Основное отличие древних табу от современных — это их более четкая фиксация, как правило, в рамках религиозного законодательства. Однако, кажется, и в современную эпоху возникновение табу связано с конфликтами, которые угрожают существованию и устойчивости целых человеческих обществ. Конечно, феномен табу не ограничивается тем, о чем я говорил выше. Важно подчеркнуть связь табу с религией. Религия стремится оградить общество от возможных конфликтов, обеспечить его стабильное существова-

ние, и табу — это одно из важных средств решения этой задачи. Необходимо более детальное исследование обстоятельств возникновения и функций отдельных табу, в том числе и современных.

М. Н. Недосейкин, кандидат филологических наук, преподаватель кафедры зарубежной литературы Воронежского государственного университета:

Представляется целесообразным определить культурные табу как систему запретов, свойственных той или иной культуре. Это позволит четко обозначить исследуемую область и не приведет к размыванию понятия (за счет обычного увеличения его объема). *Табу — это запрет*. Все остальные варианты представляют собой просто дальнейшую формально-логическую градацию, но не привносят ничего принципиально нового в само содержание понятия.

Мне представляется также, что говорить о единице изучения табу вообще не стоит. Очевидно (и конференция это показала довольно убедительно), что такой объект предполагает междисциплинарный подход, в рамках которого и должен быть рассмотрен с самых разных научных позиций (у которых есть свой категориальный аппарат).

“Носителем” табу, как мне представляется, является идеальное (если брать этот термин в понимании Э. В. Ильенкова). Думается, что тогда и вопрос об авторстве перестает носить принципиальное значение, хотя и остается важным для истории конкретных дисциплин.

Очевидно, что культурные табу могут выполнять самые разные функции. В истории литературы можно легко выделить тот исторический момент, в который функции культурных табу резко изменились. Речь идет об известной идее Эрнста Роберта Курциуса, получившей дальнейшую разработку в работах отечественных филологов С. С. Аверинцева и А. В. Михайлова. На рубеже XVIII—XIX вв. в западной литературе происходит переход от эпохи “риторического” слова к новой эпохе “антириторического” слова. Не вдаваясь в детальное освещение этой темы, отметим, что для первой эпохи характерно уважительное отношение к культурным и литературным нормам, которые рассматриваются как обычные условия существования писательского ремесла. В эпоху романтизма эти же нормы стали оцениваться отрицательно, как то, что мешает художнику. В результате ценность художественного произведения стала измеряться во многом и тем, насколько писатель смог отойти от предзаданных норм и правил, рассматриваемых исключительно как табу.

Культурные табу стали для художников XIX, XX и XXI в. своеобразными постоянными раздражителями, подстегивающими дальнейшее распространение “логики Нового” (Б. Гройс). Нарушение табу стало отождествляться с обретением нового, которое безумно дорого ценится в современной культуре. Функция табу в этом случае, его смысл заключаются в моменте его нарушения.

Современное табу включает в себя собственное преодоление в качестве момента своего существования. В этом случае в современную эпоху можно говорить не об исчезновении табу в акте преодоления, а о постоянной актуализации табу в этом самом процессе. Современная литература — это очевидное доказательство неискоренимости табу, его функционирования как источника постоянной творческой энергии. Табу не исчезает, а постоянно работает, меняя свои семантические очертания. Все разговоры о полной свободе и т. п. вещах не выдерживают никакой критики, так как для формирования представления о свободе необходимо представление о системе запретов, без которой человек не в состоянии определить, что такое свобода. Иллюзия либерализации и освобождения, царствующая в общих мнениях о культуре, на самом деле основывается на жестких правилах (вплоть до экономических — как подороже себя продать), на жестких табу, оспорить которые практически невозможно. Каждое произведение, преодолевающее тот или иной запрет, не только актуализирует его, но и незаметно подчиняется массе других запретов, остающихся в тени основной интенции автора.

Л. И. Гришаева, доктор филологических наук, профессор кафедры немецкой филологии Воронежского государственного университета:

Учитывая генезис культуры и табу в филогенезе, представляется возможным трактовать табу в целом как сугубо культурный феномен, способствовавший в конечном итоге превращению существа биологического в существо социальное. В силу этого культурные табу свидетельствуют о сложившихся культурных связях между членами социума, как бы ни были эти индивиды уникальны. Таким образом, культурные табу — это социальный образец взаимодействия между интерактантами в тех или иных условиях, это элемент культурной идентичности, причем, прежде всего, коллективной идентичности. Поэтому знание или незнание культурных табу может стать ярким маркером “своего” и “чужого” как при инкультурации, так и при аккультурации. С этой точки зрения характер и содержание табу довольно надежно отличает культуру

одного типа от культуры другого типа (ср. табу в христианском, буддийском или мусульманском мире).

Конкретное содержание культурных табу, известное каждому члену социума в силу его инкультурации, т. е. первичной социализации, не обязательно относится к ядерной части личностной идентичности, поскольку соответствующие табу человек как личность, как индивидуальность может принимать или не принимать, волен им следовать или не следовать.

Культурные табу нельзя сводить к запретам, регламентациям, инструкциям, предписаниям, установлениям и другим феноменам, которые на настоящей конференции обсуждались как родственные феномену табу.

Думается, для отграничения культурных табу от перечисленных явлений можно использовать комплекс критериев, которые в обобщенном виде выглядят следующим образом:

1. Дискурсивный релятивизм. Дискурсивный релятивизм проявляется в том, что в некоторых условиях реализации интеракции может или не может варьироваться организация взаимодействия между коммуникантами. При отсутствии дискурсивного релятивизма феномен следует признать табу, а при его наличии — запретом с той или иной степенью обязательности для выполнения в обществе.

2. Степень категоричности/обязательности следования социальным образцам взаимодействия. Если категоричность/обязательность вообще не обсуждается, то это явление — табу, если соответствующий вопрос возникает, то это запрет, предписание, инструкция, установление и пр., которые отличаются друг от друга степенью проявления категоричности/обязательности.

3. Культурная детерминированность. Табу специфичны для культуры каждого типа; запреты, предписания, нормы, инструкции могут быть универсальными.

4. Социальная кодификация, которая может быть зафиксированной формально или присутствовать в социуме в силу традиции. При формальной кодификации личность имеет дело с запретом (ср. законы, инструкции, нормативные акты, предписания, свод правил и пр.), а в случае с табу формальная кодификация отсутствует.

5. Личная значимость. Табу склонны следовать все члены социума, запреты в этом смысле скорее амбивалентны: следование им во многом зависит от особенностей личностной идентичности.

6. Субкультурная чувствительность. Для табу, скорее всего, названный признак нетипичен, для запретов, предписаний, норм — скорее всего, присутствует.

Очевидно, можно было бы назвать еще несколько критериев,

но приведенные параметры, как представляется, позволяют решить задачу, которую наша конференция восприняла как наиболее значимую на сегодняшний день — отграничение табу от генетически родственных ему явлений, но не тождественных ему.

Совокупность соответствующих признаков поможет составить матрицу, в которой можно наглядно проследить особенности обсуждаемого явления и отграничить его от родственных и смежных по таким параметрам как, например, Дискурсивный релятивизм, Степень категоричности/обязательности, Культурная детерминированность, Социальная кодификация, Личная значимость, Субкультурная чувствительность, зависимость от особенностей личной/коллективной идентичности, наличие/отсутствие формальной кодификации и др. Применяя эти инструменты анализа, феномен табуирования можно отграничить от таких коммуникативных действий, как запрет, предписание, инструкция, директива и т. п.

Л. В. Цурикова, доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой английской филологии Воронежского государственного университета.

Табуирование как социальный и культурный феномен обсуждалось на данной конференции с самых разных теоретических позиций и рассматривалось с самых разных точек зрения. В результате такого широкого подхода в круг явлений, определяемых как табу, участники дискуссии включили большое количество явлений, которые можно считать сходными с феноменом табуирования, но ни в коем случае не тождественными ему. Рассмотрение этих явлений в одном ряду с табу, мне кажется, приводит к неоправданному расширению понятия “табу”.

Представляется, что, говоря о табу, следует иметь в виду, что явление это относится к сфере конвенциональных, социально разделяемых всеми носителями культуры запретов на определенные формы поведения, в том числе коммуникативного. Запреты эти всегда культурно обусловлены и часто не мотивированы, произвольны. Кроме того, они являются жесткими и абсолютными для всех членов данного социума, культурного сообщества в целом. Носители культуры воспринимают эти абсолютные запреты как данность и в процессе инкультурации научаются следовать им без анализа причин, мотивов, условий их возникновения и т. д. Механизм следования табу очень простой: этого делать нельзя; а тот, кто это делает, поступает очень плохо. Уже этим регулируется поддержание табу и их дальнейшее воспроизведение в культуре.

В отличие от табу другие виды запретов (инструкции, приказ

не делать, запрещение и т. п.) имеют нежесткий, релятивный, ситуативно обусловленный характер. Они определяются системой морально-этических оценок и ценностных ориентиров общества, определяющих действия людей в терминах “хорошо — плохо”. На основании этих оценок члены социума определяют свой выбор, считая, что “хорошее” делать надо, а “плохое” — нет. Таким образом могут возникать индивидуальные установки на совершение тех или иных действий, а также субъективные, обусловленные личным выбором каждого индивидуума внутренние запреты (сильные, несильные, субъективно релевантные императивы, моральные сдерживающие барьеры) на выполнение в определенных обстоятельствах тех или иных действий. По сути своей такого рода явления следует отличать от табуирования как особого социального феномена.

При этом стоит подчеркнуть, что выбор между следованием или нарушением как табу, так и лично установленного индивидом запрета в конечном итоге всегда остается за личностью. Однако и в том, и в другом случае личность знает, какого рода последствия ее ожидают в социуме.

К. М. Шилихина, кандидат филологических наук, доцент кафедры теоретической и прикладной лингвистики Воронежского государственного университета:

На итоговом заседании на конференции я сказала, что табу формируются в процессе накопления социального опыта, и формирование табу начинается в самом раннем детстве. Причиной, по которой ребенок будет соблюдать табу, может быть память о наказании за нарушение родительского запрета (здесь “запрет” — стилистический синоним, конечно, имеется в виду табу). Другой веской причиной соблюдения, равно как и несоблюдения, табу является наличие поведенческого образца, как правило, в семье. Другими словами, если родители демонстрируют тенденцию к соблюдению табу, ребенок будет им подражать. Если же родители сами не соблюдают того, что запрещается обществом, то, вероятнее всего, ребенок тоже будет регулярно нарушать табу.

Признаки табу: на мой взгляд, это чувство отвращения, которое возникает при взломе табу, причем чувство отвращения возникает в основном не у нарушителя, а у собеседника или аудитория. Это же самое чувство отвращения является барьером для тех, кто соблюдает существующие табу, например, не употребляет бранную лексику.

Практически невозможно однозначно отделить табу от запрета.

Чтобы разграничить табу и запрет, придется делать некоторые допущения и упрощать реальную ситуацию. Мне кажется, что для очень многих людей эта граница индивидуальна. Например, на сайте www.7ya.ru есть масса женских дискуссий по проблемам семьи. И вот там дамы бурно обсуждали, как следует относиться к женщинам, которые заводят романы с женатыми мужчинами, прекрасно зная об их семейном положении. Одна из участниц обсуждения написала, что она не заводит романов с женатыми мужчинами, потому что это подло. Для нее “женатые мужики — это табу”. И очень многие с ней не согласились, не увидев причины для такого строгого “самозапрета”, поскольку “сегодня женат, а завтра — разведен, чего тут такого”.

Критерием отграничения табу от запрета может стать очевидная мотивированность запрета (в большинстве случаев ясно, почему какое-то действие осуществить нельзя). А вот у табу такого объяснения, которое лежит на поверхности, скорее всего, не будет.

Соотношение табу и совета, на мой взгляд, таково: в ситуации совета у адресата есть выбор, принимать этот самый совет или не принимать. А вот в случае с табу такого выбора у адресата нет (хотя это, конечно, практически стерильная коммуникативная ситуация). Но в случае неприятия совета адресат не становится изгоем в своей группе, а вот в случае нарушения табу человек вполне может им стать и “выпасть” из процесса общения.

То же самое, мне кажется, относится и к паре “табу — рекомендация”.

Заветы выполняются людьми в том случае, если в душе есть чувство почтения (уважения) к источнику завета. Если человек вдруг не выполняет завета, у него может возникнуть чувство стыда. А табу соблюдаются на основе другого чувства — чувства страха перед возможным наказанием.

Как и табу, инструкция предусматривает наказание за ее нарушение. Например, в должностной инструкции будет написано, что случится с работником, занимающим данную должность, в случае невыполнения своих обязанностей. Если это инструкция по пользованию прибором, “штраф” за ее нарушение может состоять в отказе производителя выполнять гарантийный ремонт прибора или в угрозе для пользователя получить травму или удар током. Но в отличие от табу инструкция — очень логичный жанр. Причины наложения санкций пользователю ясны, кроме того, оговаривается предел (степень?) серьезности наказания. В случае с табу причины ясны далеко не всегда, а размер наказания за нарушение абсолютно непредсказуем.

Кроме того, интересно сопоставить табу и суеверия. Их объединяет необъяснимость в логическом плане (например, почему говорят: “не свисти — денег не будет” — какая связь между свистом и деньгами — непонятно). И мне кажется, что из суеверий человек определенного психологического склада может развить такие персональные табу, от выполнения которых он (она) сам сделается несчастным и других утомит.

Функции табу — регулировать общение в том смысле, что не вся коммуникация является для нас приятной и желательной. Есть такие действия (и физические, и вербальные), которые являются неприемлемыми либо для большинства людей, либо для определенной группы людей, наделенных достаточно серьезной властью или авторитетом. Соответственно, табу возникают как коммуникативный фильтр (как мембрана в фильтре для воды, которая задерживает примеси).

Если рассматривать табу как часть этикета, то в принципе каждый из нас является носителем табу. Снова воспользуюсь сравнением. В медицине есть диагноз “носитель вируса”, причем есть такие случаи, когда можно быть носителем вируса, но не болеть самой болезнью. Точно так же происходит и с табу: можно быть носителем табу (т. е. знать о его существовании) и не соблюдать его.

Ситуация табуирования связана с особенностями культуры. Если табу накладывается на действие, вызывающее отвращение, то все будет зависеть от того, что считается отвратительным в данной культуре.

Табу может “размываться”, если у группы людей, обладающих социальным престижем и каналом массовой коммуникации (например, телеканалом), появляется возможность упоминать запретную тему. Например, канал MTV, имеющий совершенно определенный круг зрителей, “размывает” табуированную тему сексуальных отношений.

Языковые табу оказываются более динамичными и “размываются” легче в нестабильном (в социальном плане) обществе. Очевидно, это можно объяснить тем, что в периоды реформ или революций большинство людей испытывает стресс и чувство фрустрации, при этом нарушение языкового табу (употребление нецензурной лексики или обсуждение запретной темы в публичном дискурсе) может стать своеобразным способом выразить отрицательные эмоции, отвлечься от проблем.

Автором табу может стать группа людей с высоким социальным статусом, имеющая регулярный доступ к средствам мас-

совой коммуникации. Эта же группа людей может стать инициатором размыwania табу, если это им по какой-то причине оказывается выгодно. Например, можно через СМИ обсуждать щекотливые темы (сексуальные похождения президента/генпрокурора/...), отвлекая внимание общества от экономических проблем или других политических скандалов, проводя предвыборную кампанию и т. д. В семье инициировать табу может глава семьи. Например, может быть наложен запрет на упоминание опальных родственников.

Соблюдение табу ведет к его утверждению в рамках конкретной культуры. Соблюдение табу не поощряется, а воспринимается окружающими как должное (это как “ты должен учиться хорошо, чтобы не расстраивать маму”, и если ты не учишься, значит, мама будет плакать, а если учишься, то плакать она не будет, но и хвалить за учебу тоже не станет).

Последствия нарушения табу могут быть разными, в зависимости от того, какую цель преследует нарушитель и к какой социальной группе он принадлежит. Если табу взламывается по незнанию (ребенком или представителем другой культуры), то для окружающих гарантировано чувство неловкости, а нарушителю объяснят, что “так делать нельзя”. Если же табу нарушается сознательно, то последствием нарушения со стороны адресата может стать отказ от коммуникации. С другой стороны, нарушитель может стремиться именно к разрыву общения, к отделению от определенной социальной группы.

В обществе (по типу тоталитарного) с тенденцией к табуированию нарушитель табу может быть подвергнут публичному обсуждению и осуждению (как, например, на партсобрании обсуждали поведение людей в семье, если поступали жалобы).

Нарушитель табу может избежать наказания, если он обладает высоким социальным статусом (например, начальник, употребляющий в адрес подчиненных нецензурную лексику). Однако высокий статус не может гарантировать нарушителю сохранение уважения со стороны окружающих.

Мне кажется, что заимствование табу — процесс достаточно редкий. Табу трудно заимствовать, поскольку очень многие социальные запреты отличаются культурной спецификой. Тем более проблематично заимствование табу на определенные языковые явления (именно в силу специфики различных языковых систем).

Относительно культурной специфики табу хотелось бы заметить, что количественные, качественные характеристики табу, а также

степень соблюдения табу в значительной степени зависят, во-первых, от религиозности (или идеологизированности) общества, во-вторых, от того, какой религии (идеологии) придерживается вслед за элитой большинство членов данного общества.

Количество табу в одной культуре оценить очень проблематично. Можно говорить только о тенденциях культуры (общества) к табуированию или “размыванию” табу.

Что касается социальной стратификации табу, то это сложный вопрос. Чтобы на него ответить, нужны очень серьезные исследования. Интуитивно представляется, что различные социальные группы могут разделять определенные табу и могут иметь какие-то собственные табу, присущие только конкретным группам. Можно сделать предположение, что социальные группы с более высоким социальным статусом будут иметь большее количество табу и будут строже их соблюдать, чем, скажем, низшие слои. Однако это тоже спорный момент. Существуют социальные группы, обладающие своей собственной иерархией, и может оказаться, что даже члены одной и той же социальной группы соблюдают табу в разной степени.

Говоря о ценностных ориентациях в культуре и табуировании, следует отметить возможную зависимость между ориентацией общества на общественные либо индивидуальные ценности и количеством табу. Если общественное преобладает над личным, то в обществе складывается тенденция к стандартизации поведения, а эта стандартизация легче всего достигается путем наложения запретов. Например, в тоталитарном обществе будет гораздо больше табуированных физических и вербальных действий (например, нельзя упоминать некоторых исторических деятелей), и наказания за нарушения будут строже (например, уголовная ответственность за нетрадиционную сексуальную ориентацию). Если в обществе приоритет отдается индивидуальным ценностям, то *в идеале* человек становится вправе самостоятельно определять границы табу, опираясь при этом на общественные ценности. Но такой идеал оказывается труднодостижимым.

Размышляя о взаимосвязи индивидуальности и табу, можно еще раз отметить, что многие табу оказываются исключительно индивидуальными. Для каждого из нас количество табу и степень обязательности их соблюдения могут быть разными. Все зависит от целого ряда факторов, биологических и социальных. К биологическим я бы отнесла психологический склад личности (все-таки мы рождаемся с определенным темпераментом). А социальных факторов, которые мы должны учитывать, очень много: в первую оче-

редь, воспитание в определенной социальной среде, когда человек получает ценностную ориентацию, наблюдает и усваивает определенные поведенческие образцы, на которые он впоследствии будет опираться. Во-вторых, это социально-культурные традиции, сложившиеся в обществе. В-третьих, это, скажем, “социальный потенциал” человека, т. е. его стремление занять определенное положение в обществе, то, насколько он принимает или отторгает социальные ценности и ориентиры.

Теперь относительно единицы описания табу. Есть сомнение в том, нужно ли сводить табу к определенной единице. Если единица описания необходима для исчисления, то табу посчитать в принципе очень трудно. Мне кажется, что табу можно описывать как определенную коммуникативную ситуацию, по каким-то причинам признаваемую неудобной. А поскольку коммуникативная ситуация по своей структуре достаточно сложна, признать ее в качестве единицы описания табу будет достаточно сложно.

Что касается средств выражения табу (вербальных и/или невербальных), то известно, что есть универсальная формулировка для табу: “Так делать/говорить нельзя”. И есть разные способы нарушить табу, как вербальные, так и невербальные. Можно употребить “крепкое словечко”, а можно перейти границу дозволенного с помощью жеста.

Способы вербализации табу зависят от целей говорящего. Если это анализ явления, то это могут быть эвфемизмы, или, как на телевидении, звук. Но эти способы необходимы в тех ситуациях, когда надо, чтобы “и волки сыты, и овцы целы”. Если такой необходимости нет, то, чтобы рассказать о табу, можно, например, пойти и таким путем: вначале сделать оговорку, что мы осознаем наличие границы между допустимым и запретным, затем сделать допущение, что слушатель осознает необходимость перейти эту грань для полноценного обсуждения проблемы. И затем называть вещи своими именами, как это делает В. И. Жельвис.

У. А. Пеньковская, соискатель кафедры русского языка и общего языкознания, Уральский государственный университет, г. Екатеринбург:

Я считаю, что относительно культурных табу не стоит говорить о бессознательных истоках запретов. Ведь даже сталкиваясь с суевериями, мы не полагаемся на глубины понимания, а сами осознанно запрещаем себе те или иные действия. Например, студент, не сдавший экзамена, жалуется однокурсникам на черную кошку, отсутствие пяточка под пяткой или встреченную утром женщину с

пустым ведром. Хотя рациональными причинами провала нужно считать недостаточное количество знаний или нерадивость в подготовке к сессии.

Откуда же возникают в сознании подобные приметы, запреты и ограничения?

Вопрос достаточно спорный. Но в рамках “круглого стола” я считаю возможным сделать предположение и вынести на обсуждение следующую версию: табу являются знаниями, приобретенными в результате процесса социализации, который, как известно, начинается в возрасте около трех лет и продолжается в течение всей жизни. Так, ребенок, совершивший нечто запрещенное, еще не понимая этого, делает ошибки, которые могут повлечь за собой наказание или замечание. И даже если само происшествие скоро будет забыто, то наказание и его причина наверняка останутся в памяти, скорее всего, неактивной. Так возникает социальная норма поведения.

Взрослый уже может осознать вариативность нормы, обойти условия императива или запрета. Уверенный в своих силах человек может позволить себе не обращать внимания на такие “мелочи и глупости”, от которых предостерегают суеверия. Получаем еще один аспект: от соблюдения табу можно отказаться.

В современном обществе ответ на вопрос о соблюдении или несоблюдении табу относится к сознательной сфере и зависит от свободного выбора каждого человека.

С. Ю. Павлова, кандидат филологических наук, Саратовский государственный университет:

Говоря о признаках табу, следует иметь в виду следующее: главным, что отличает табу от других сходных с ним явлений, является осознание и соблюдение табу всеми представителями социальной группы.

Можно предложить такие критерии отграничения табу от запрета, совета, рекомендации: “общественный характер — индивидуальный характер”; табу от инструкции: “этико-психологическая сфера — деловая, профессиональная сфера”; табу от завета, оберега: “форма сохранения ценностей от “противного” — прямая форма”.

Функциями табу являются сохранение устойчивого состояния и обеспечение нормального функционирования социального организма на структурном, этическом, языковом и других уровнях. Например, табу на инцест, по Леви-Стросу, является обязательным условием существования общества, так как позволяет разомкнуть рамки биологической семьи и перевести человеческие взаимоотношения в принципиально иное качество.

Носитель табу — социальная группа.

Возможна также характеристика по параметру “динамика-статика”. В принципе, нарушено может быть любое табу, но если речь идет об универсальных табу (канибализм, инцест, убийство), обеспечивающих существование общественной системы в целом, то их массовое нарушение обязательно приведет к вырождению и исчезновению общества. Отсюда жесткость универсальных табу, моральные и юридические санкции, которые государство накладывает на нарушителей подобных табу в целях самосохранения системы. В случае с языковыми табу (например, матом) речь идет не об опасности исчезновения общественной системы, а об ее “негативной” трансформации, отклонении от общепринятых ценностей под влиянием языка. Жесткость такого рода табу варьируется в зависимости от их характера.

“Коллективная память” не сохраняет автора табу (конкретную личность), и в сознании людей оно является результатом деятельности всей социальной группы. Поскольку табу тесно связаны с ценностями каждой конкретной группы или же национальной культуры, их заимствование представляется проблематичным.

Количество табу в одной культуре может варьироваться, как в сравнении с другими культурами, так и ходе развития данной культуры.

Интересным представляется вопрос о соотношении индивидуальности и табу. Думается, что в процессе своего формирования индивид осознает сначала запреты (то, что нельзя делать или говорить, с детства внушают родители и окружение ребенка), а потом табу (о табу говорить не принято, запреты такого рода просто не нарушаются, а потому в сознании ребенка до определенного момента не возникает вопрос о возможности существования той или иной табуированной ситуации; только когда его сознание достаточно сформировано, начинается рефлексия над тем, какие табу существуют вокруг).

В дискуссии по проблемам культурных табу приняли также участие доктор филологических наук, профессор К. Ф. Седов (г. Саратов), доктор филологических наук, профессор Н. Ю. Руженцева (г. Екатеринбург), доктор филологических наук, профессор О. А. Кострова (г. Самара), доктор филологических наук, профессор С. Н. Филюшкина (г. Воронеж), кандидат филологических наук, доцент И. Ю. Мостовская (г. Тамбов), кандидат филологических наук, доцент М. В. Томская (г. Москва).

Все участники “круглого стола” отметили актуальность и крайнюю сложность затронутой на конференции проблематики, подчеркивая многогранность и внутреннюю противоречивость обсуждаемого феномена. Общим выводом из состоявшейся дискуссии стало мнение, что табу и табуирование как особое социальное явление, играющее большую роль в каждой культуре на любом из этапов ее развития, необходимо специально и целенаправленно изучать на междисциплинарной основе, что даст возможность рассмотреть его отдельные аспекты и механизмы функционирования в культурном сообществе, проанализировать его значимость для социализации личности, выявить его вклад в формирование личностной и коллективной идентичности, а также в сохранение культурной идентичности определенной социальной группы в диахронии.

Участники “круглого стола” пришли к единодушному мнению о необходимости продолжить исследование культурных табу, имея в перспективе выработку общей концепции, основывающейся на междисциплинарном, многоаспектном и комплексном анализе этого феномена.

О. Ю. Алейников

О “ЧЕВЕНГУРЕ”. ДО ВОСТРЕБОВАНИЯ

Об актуальных проблемах научного восприятия и перспективах изучения романа “Чевенгур” шла речь на состоявшейся 21—24 сентября 2004 г. в ИМЛИ РАН VI международной конференции “Роман А. Платонова “Чевенгур”: контексты изучения и понимания”, посвященной 105-летию со дня рождения писателя.

Поставив в центр обсуждения “чевенгурскую” проблематику, организаторы конференции предложили путь, позволяющий через призму одного произведения посмотреть, насколько эффективны усилия исследователей, принадлежащих к разным академическим школам.

Воспользуемся этой возможностью. И заметим, что за последние 10—15 лет к истолкованию платоновских текстов обращались такие разные представители научного сообщества, как последователи историко-биографической, культурно-исторической, неомифологической школ, постмодернистского направления в литературоведении. Произведения А. Платонова привлекали знатоков пра-